

ЕЛЬЦИН, ПУТИН И ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ

Д. Ривера, Ш.В. Ривера

Ключевые слова: Ельцин, Путин, демократизация, политические права, гражданские свободы.

Вместе с крушением коммунизма в 1991 г. закипели споры о роли глав правительств в демократизации своих стран. При этом мало кто из них вызвал столь пылкие и разносторонние суждения по обе стороны Атлантики, как Борис Ельцин. Если кто-то из ученых и зарубежных политиков уверен, что президент-основатель постсоветской России стал “отцом русской демократии” [Clinton 2000], то куда больше людей склонны считать его безжалостным автократом.

В настоящей статье приводится оценка этих контрастных взглядов на основе сравнительного анализа политических итогов на всем посткоммунистическом пространстве. Во-первых, рассматриваются мнения противоположных сторон в споре о послужном списке Ельцина как демократического лидера. Во-вторых, разъясняется квазиэкспериментальный метод, используемый для освещения этого спора. В-третьих, посредством кросстемпорального и межнационального статистического анализа исследуется вопрос, в какой степени в России процветала демократия в периоды нахождения у власти Бориса Ельцина и Владимира Путина. В-четвертых, поясняются наши выводы в отношении как исторического наследия Ельцина, так и понимания посткоммунистических трансформаций.

19

ЕЛЬЦИН И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ РОССИИ

С одной стороны, многие члены научного сообщества придерживаются того мнения, что Россия 1990-х годов являла картину провалившегося демократического транзита, большей частью обусловленного целенаправленными действиями лидера-автократа. Лилия Шевцова, известная представительница этой точки зрения, пишет: “Значительная часть ответственности за упущенную возможность демократизации России лежит непосредственно на Ельцине” [Shevtsova 2007: 17]. И далее: “Качества лидера видны по его способности абстрагироваться от давления общества и политического класса и предложить новое видение ситуации. Ельцин не показал такой способности” [ibid: 19]. Кристия Фрилэнд представляет Ельцина как “человека, движимого властью, а не идеологией”, целью которого было не построить либеральный режим и даже не предотвратить возвращение во власть коммунистов, а просто “остаться у руля”¹ [Freeland 2000: 332]. Питер Реддэуэй и Дмитрий Глинский обрушиваются на Ельцина с еще более рез-

РИВЕРА Дэвид У., преподаватель колледжа Хэмилтон; РИВЕРА Шэрон Вёрнинг, доцент колледжа Хэмилтон (Нью-Йорк, США). Для связи с авторами: drivera@hamilton.edu, srivera@hamilton.edu

¹ Другие работы с негативной оценкой послужного списка Ельцина как демократа см. [Knight 1997; Rutland 1997; Huskey 1999; Gill, Markwick 2000; Mendelson 2001; Brown 2001; Petrov 2008].

кой критикой за “незаконные временное прекращение действия конституции и роспуск российского парламента” и “введение авторитарного полицейского режима”. Они сожалеют о его победе на президентских выборах 1996 г. и полагают, что лидер КПРФ Геннадий Зюганов сформировал бы более представительное правительство: “Победа Зюганова не представляла угрозы для демократии, поскольку политическая слабость и отсутствие достаточной поддержки из-за рубежа вынудили бы его сотрудничать с некоторыми из демократических реформаторов и руководить посредством коалиции, в отличие от Ельцина” [Reddaway, Glinski 2001: 14-15].

С другой стороны, немало ученых выдвигают противоположную точку зрения: пребывание Ельцина в должности президента способствовало перспективам демократии в России. Так, Дмитрий Михеев называет президента России “экстраординарной личностью, чей стиль работы критики часто путают с мотивами и амбициями”. Будучи сначала лидером демократической оппозиции коммунистическому правлению, а затем президентом нового российского государства, “Ельцин оказался безупречно демократичен и свободен от соблазнов и искушений власти” [Mikheyev 1996: 47, 199, 204]. Леон Арон даже отводит Ельцину ведущее положение в плеяде российских лидеров: “Системный характер реформ изменил основы отношений между российским государством и обществом в пользу последнего... никакой другой российский лидер не подошел ближе к Александру II, чем Ельцин, который, возможно, даже превзошел ‘царя-освободителя’” [Aron 2000: 697-698]. С этой оценкой в целом согласен и другой биограф, Тимоти Колтон: “В 1980-90-е годы Ельцин принял судьбоносные решения, которые вывели общество на гораздо более многообещающую дорогу по сравнению с той, на которой оно находилось с 1917 года... Как демократизатор он в одной компании с Нельсоном Манделой, Лехом Валенсой, Михаилом Горбачевым и Вацлавом Гавелом” [Colton 2008: 12]. Через четыре года размышлений, прошедших с момента написания своей критической истории российской приватизации, и Кристия Фриланд приходит к выводу, что Ельцин – “величайший европейский лидер за последние 25 лет”².

МЕТОДОЛОГИЯ

В данной статье делается попытка пролить свет на обозначенную дискуссию посредством квазиэкспериментального сравнительного анализа, полезного для формирования нового понимания вопроса. Во-первых, сравнение итогов российского политического процесса с результатами, достигнутыми в контрольной группе режимов, имеющих максимальное количество общих с Россией черт и особенностей исторического опыта (за исключением целительного эффекта ельцинского правления), дает основание предположить, что интенсивность воздействия всех прочих факторов идентична в обеих группах. На этом основании различия в политических результатах можно отнести на счет фактора правления. Во-вторых, ни в одной из упомянутых выше работ (как критических по отношению к Ельцину, так и тех, где его превозносят) развитие России в ельцинские годы не рассмат-

² О положительных оценках также см. [Ellison 2006; Åslund 2007: 285-288].

ривается в сравнительной перспективе. Представляется, что режимы с наибольшим числом общих с ельцинской Россией признаков и особенностей исторического опыта представлены самой Россией в другие, особенно хронологически близкие к рассматриваемому периоду моменты времени, а также прочими государствами в переходном состоянии, которые в прошлом управлялись теми же институтами, что и Россия. Таким образом были выделены следующие референтные группы:

- 1) Советский Союз в последнее десятилетие своего существования;
- 2) Российская Федерация в период президентства Путина;
- 3) Десять бывших республик Советского Союза, в которых, как и в России, советская власть установилась в результате большевистской революции и гражданской войны: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина;
- 4) Вышеприведенные десять республик СССР плюс четыре республики, присоединенные к Союзу в ходе Второй мировой войны: Эстония, Латвия, Литва и Молдавия;
- 5) Все бывшие коммунистические страны Восточной Европы и Евразии. В эту группу входят четырнадцать вышеупомянутых государств, а также следующие страны Восточной Европы: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Венгрия, Македония, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Сербия и Черногория;
- 6) Страны региона, обладающие православным религиозным наследием;
- 7) Государства СНГ, обладающие православным религиозным наследием.

Отправной точкой наших сравнений служат ежегодные рейтинги соблюдения политических прав и гражданских свобод *Freedom House*³. Каждой стране эта организация присваивает оценки по семибальной шкале, при этом единица означает высший балл, семерка – низший. В следующем разделе мы представляем результаты нашего анализа и выводы о взаимосвязи руководящей роли Ельцина и демократизации России.

РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Россия и Советский Союз

На основе анализа рейтингов соблюдения политических прав и гражданских свобод *Freedom House* можно сделать следующие три группы выводов. Во-первых, в 1990-е годы Россия достигла большего успеха, чем СССР десятилетием ранее. В начале и середине 1980-х СССР получил оценку 6-7 за политические права и 7 за гражданские свободы. После запуска горбачевской программы демократизации эти оценки достигли соответственно 6 и 5 за 1988-1989 гг., 5 и 4 за 1990 г. и 4 и 4 за 1991 г. В период же с 1992 по 1997 г. Россия получала оценку 3 за политические права и 4 за гражданские свободы. Как говорится в пояснении к оценкам за 1992 г., “в феврале Ельцин освободил последних из известных политзаключенных” [McColm et al. 1993: 428]. В кратком отчете *Freedom House* за 1993 г. отмечен факт проведения демократических выборов в парламент и наличия “множества политических партий и групп,

³ См. информацию о *Freedom House* и его полные рейтинги на сайте www.freedomhouse.org

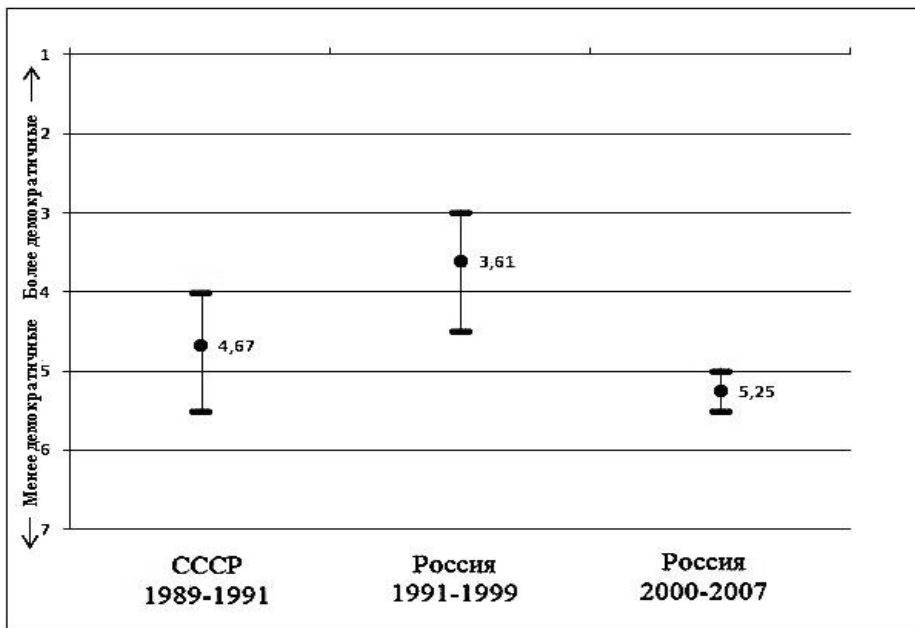

а также неполитических гражданских, культурных, общественных, молодежных и женских организаций” [Karatnysky 1994: 428]. В обзоре за 1994 г. сообщается, что “усилилось давление правительства на СМИ, особенно после чеченского кризиса”, но “хотя многие СМИ финансируются государством, их репортажи были беспристрастными” [Karatnysky 1995: 482]. В 1995 г. отмечается, что “в России действует более 150 независимых теле- и радиоконпаний... в крупных городах страны по кабельным и спутниковым каналам доступны зарубежные передачи” [Karatnysky 1996: 395]. “В целом соблюдается свобода собраний”, – говорится в отчете за 1998 г. “В течение года прошло множество политических митингов, антиправительственных демонстраций и акций протеста рабочих. Разрешается создавать политические партии” [Karatnysky 1999: 386].

На диаграмме 1 представлены данные *Freedom House* за последние три года правления Горбачева и восемь с половиной лет президентства Ельцина (плюс шесть месяцев его пребывания на посту председателя парламента в 1991 г.). Согласно двум первым линиям диаграммы, среднее арифметическое оценок, полученных СССР в течение этого периода (самого демократичного за всю его историю), составляет 4,67, что хуже, чем в ельцинские годы (3,61). При этом средняя оценка России в 1990-е годы превышает наивысшую аналогичную оценку, достигнутую СССР при Горбачеве (4,0). Таким образом, по мнению аналитиков *Freedom House*, политическая жизнь в России после революции 1991 г. отличалась даже большей свободой, чем в СССР на пике перестройки.

Диаграмма 1

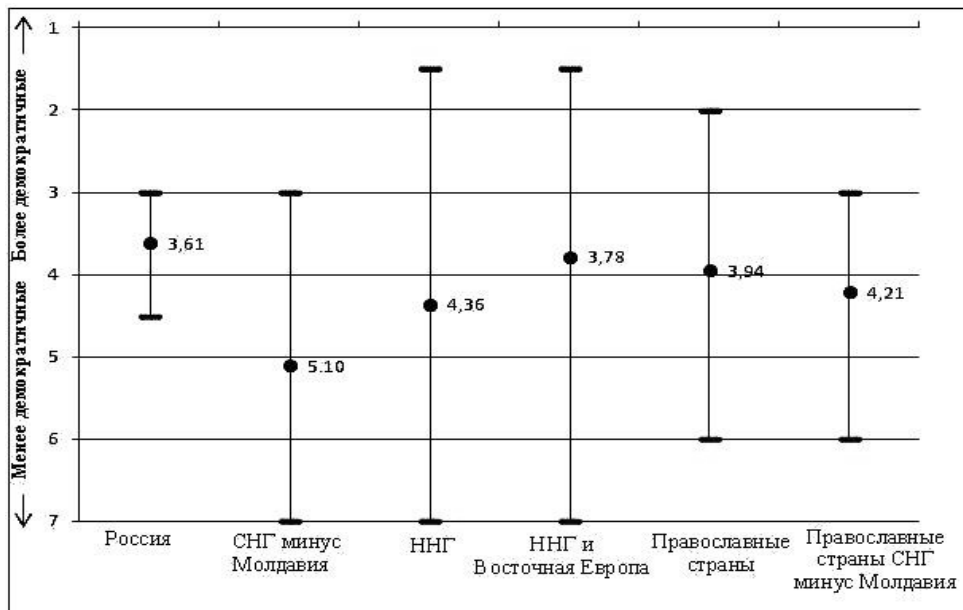
Средние, минимальные и максимальные значения рейтингов *Freedom House* по СССР и Российской Федерации (1989-2007 гг.)

Россия и другие посткоммунистические страны

Вторая группа выводов, полученных нами в ходе анализа рейтингов *Freedom House*, свидетельствует о том, что в годы нахождения Ельцина у власти Россия была демократичнее большинства других посткоммунистических стран Восточной Европы и Евразии. Данное положение остается в силе и при сравнении с различными подгруппами этих стран. Превосходство российских показателей с очевидностью явствует из диаграммы 2, где приведены средние, минимальные и максимальные оценки, вынесенные России и группам других государств в 1991-1999 гг. Как показывает вторая линия диаграммы, средняя оценка для десяти государств, которые, как и Россия, в начале 1920-х годов стали советскими (страны СНГ минус Молдавия), равняется 5,1. Итоговая разность средних оценок России с одной стороны, и этих десяти государств – с другой (1,49) занимает четверть всего диапазона шкалы *Freedom House*.

Диаграмма 2

Средние, минимальные и максимальные значения рейтингов *Freedom House* по России и различным группам посткоммунистических стран (1991-1999 гг.)

Примечание: Россия не включена ни в одну из групп.

Расположение третьей линии диаграммы говорит о том, что при включении в контрольную группу трех балтийских стран и Молдавии (не входивших в состав СССР в межвоенный период), расхождение между Россией и другими советскими республиками сокращается. При этом Латвия, Литва и Эстония приблизились к статусу консолидированных демократий – начиная с 1995 г. им выносились весьма высокие оценки (1 или 2) как по политическим правам, так и по гражданским свободам. Как видно, при включении в анализ рейтингов этих стран общая картина существенно не меняется: средняя оценка

уровня демократизации по четырнадцати новым независимым государствам Евразии (ННГ) — 4,36, что на 0,75 балла ниже, чем у России. Четвертая линия на диаграмме отражает сводную статистику для контрольной группы, включающей страны Восточной Европы. По всем этим двадцати шести государствам средняя оценка — 3,78, что означает уровень развития демократии на 0,17 балла ниже российского.

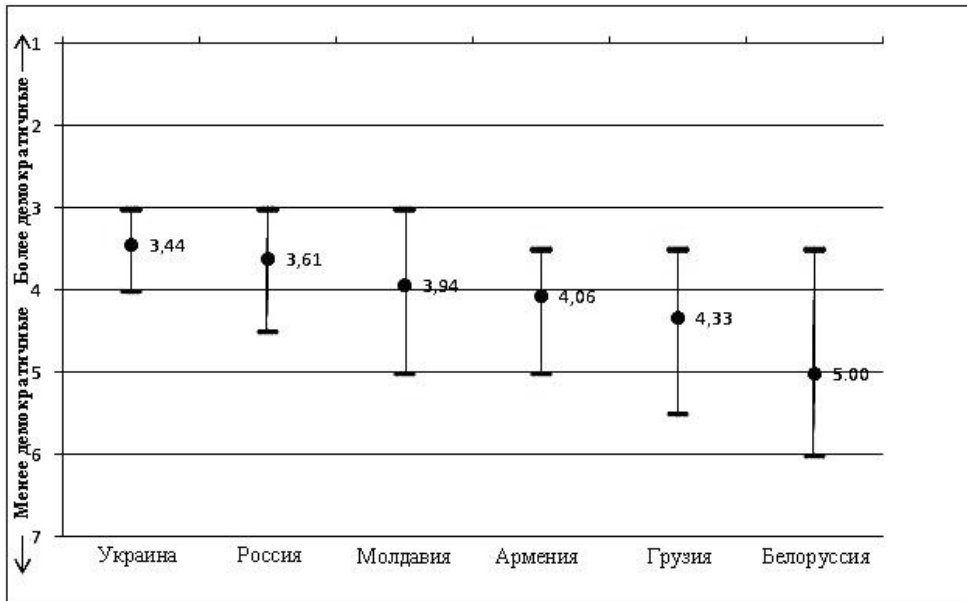
Поскольку обращение к двум предыдущим контрольным группам расширяет количество используемой в каждом сравнении информации за счет уравнивания всех факторов, влияющих на развитие демократии, кроме президентского руководства, эти группы можно сузить, чтобы приблизить сравнения с Россией к экспериментальному идеалу. Так, если из исследования исключить государства, где доминирующими религиями являются ислам, католицизм или протестантизм, и сравнивать только те из них, где исторически превалирует православие, то культурные переменные, связанные с религией, в целом останутся постоянными. К тому же это даст возможность обеспечить некоторый учет как докоммунистического имперского наследия этих государств, так и их географической близости к Западной Европе. Итак, ограничив контрольную группу государствами с православным наследием, получим следующий состав: Армения, Белоруссия, Болгария, Грузия, Македония, Молдавия, Румыния, Украина, Сербия и Черногория. Как показывает пятая линия диаграммы 2, средняя оценка за девять лет, вынесенная государствам Восточной Европы и Евразии с православным наследием, составляет 3,94 — что означает уровень демократии на 0,33 балла более низкий по сравнению с Россией.

В результате дальнейшего ограничения контрольной группы за счет государств, не включенных в состав СССР в начале 1920-х годов, получаем следующий состав: Армения, Белоруссия, Грузия и Украина. Полезность этой группы для эксперимента состоит в том, что ее члены разделяют с Россией многие характерные исторические черты: православное наследие, семьдесят лет коммунистического правления (а не сорок, как страны Балтии и Молдавия), прямое управление из Москвы, членство в СНГ, а также отсутствие сколь-либо значительного опыта развития демократии. Исходя из шестой строки диаграммы 2, средняя оценка за девять лет по этим четырем странам составляет 4,21, что на 0,6 балла ниже российского показателя демократии. Этот вывод достаточно наглядно показывает, что в 1990-е годы Россия обладала неким фактором, усиливавшим ее зарождающуюся демократию, который при этом отсутствовал в других государствах с православным наследием.

Это заключение подкрепляется более детальным рассмотрением всех шести стран СНГ с православной культурой. На диаграмме 3 представлены сводные оценки *Freedom House* по этим странам за рассматриваемые девять лет. Данные диаграммы показывают, что Россия значительно превзошла Белоруссию, существенно — Грузию, в некоторой степени — Армению и Молдавию, и фактически делит первое место с Украиной (имевшей самую низкую среднюю оценку на всем пространстве СНГ). В частности, средняя оценка России (3,61) лишь на 0,17 балла меньше, чем у Украины, что говорит о незначительной разнице в уровне демократизации в пользу последней.

Средние, минимальные и максимальные значения рейтингов *Freedom House* по странам СНГ с православным наследием (1991-1999 гг.)

Трансформация режима при Путине

Если глубокая приверженность Бориса Ельцина к демократии по сравнению с большинством других глав постсоветских правительств являлась причиной более интенсивной демократизации России в 1990-е годы, то после его ухода со своего поста можно было ожидать некоторого спада этого процесса — что и произошло. Поскольку Россия в ельцинские годы была демократичнее СССР времен перестройки и большей части других посткоммунистических государств того периода, третья группа выводов, полученных в результате анализа рейтингов *Freedom House*, перекликается с этим наблюдением как в кросстемпоральной, так и в межнациональной перспективе.

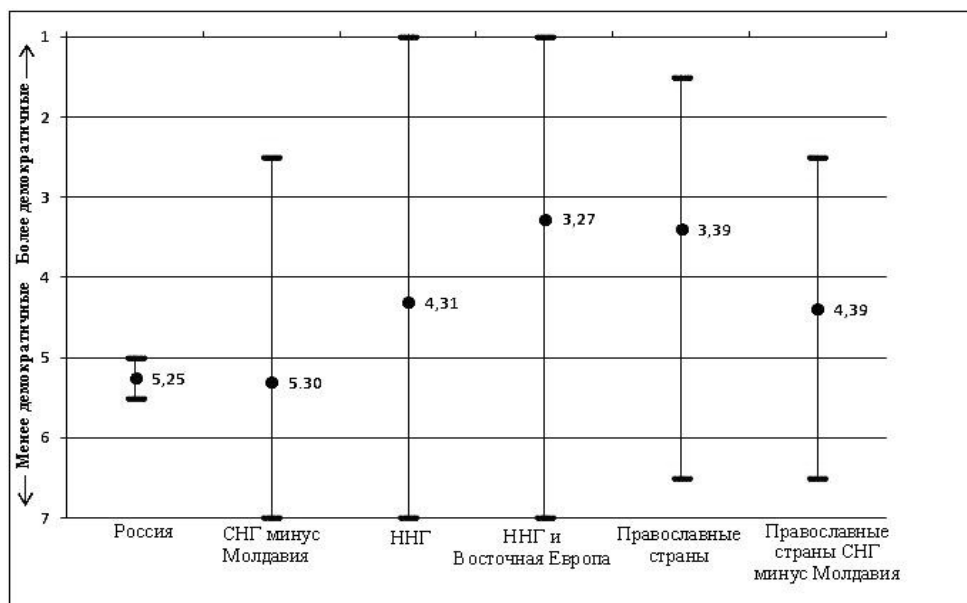
В 1999 г. Россия получила оценку 4 за политические права и 5 за гражданские свободы, однако в конце первого года пребывания Путина на посту президента первая оценка была снижена до 5 “из-за нарушений, допущенных на президентских выборах в марте и укрепления центральной государственной власти” [Freedom House 2001]. Также были отмечены новые тенденции в отношении свободы СМИ. Согласно наблюдениям *Freedom House*, “с июня 2003 г., когда последняя независимая телевизионная сеть *TVS* якобы из-за долгов попала под контроль правительства, все телеканалы России полностью контролировались им или подчинялись соответствующим экономическим интересам, что вынуждало их поддерживать власть”. После объявления Путиным “конституционных реформ по отмене выборов глав регионов” оценка уровня политических прав в России упала с 5 до 6 (оценка СССР 1989 г.), что эквивалентно присвоению стране статуса “несвободной” [Freedom House 2005].

Средние, минимальные и максимальные значения оценок, полученных Россией за восемь лет президентства Путина, показаны третьей строкой диаграммы 1. Средняя оценка путинского периода (5,25) ниже, чем ельцинского (3,61), при этом лучший результат при Путине (5) проигрывает худшему при Ельцине (4,5).

Политические перемены, последовавшие за приходом Путина к власти, столь же очевидны, если рассматривать российскую демократию в международном аспекте. Как уже отмечалось, в 1990-е годы Россия опередила все пять рассмотренных нами групп посткоммунистических стран и значительно превзошла группу “прочие члены СНГ минус Молдавия”. В то же время из диаграммы 4 следует, что средняя оценка России при Путине почти идентична оценке, полученной странами-членами СНГ (5,3) и значительно хуже средних оценок государств, принадлежащих к четырем остальным группам. Так, четырнадцать других стран, недавно получивших независимость, со средним рейтингом в 4,31 превосходят Россию почти на один балл; весь посткоммунистический регион и входящая в него подгруппа стран с православным наследием со средними рейтингами 3,27 и 3,39 соответственно, превосходят Россию почти на два балла. Что касается стран, наиболее близких к России (Армения, Белоруссия, Грузия, Украина), чей средний рейтинг составляет 4,39, то они в среднем обходят Россию на 0,86 балла.

Диаграмма 4

Средние, минимальные и максимальные значения рейтингов *Freedom House* по России и разным группам посткоммунистических стран (2000-2007 гг.)

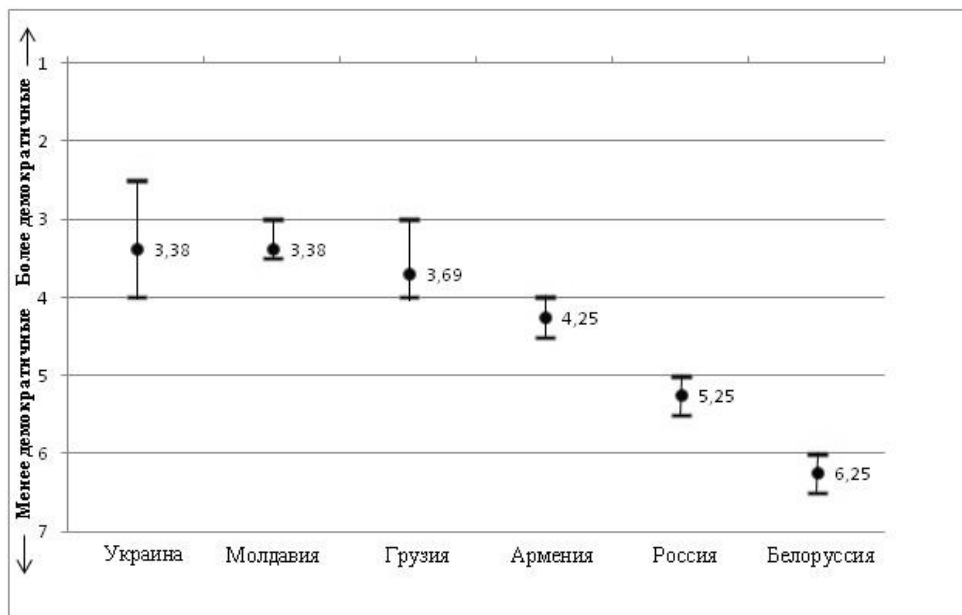
Примечание: Россия не включена ни в одну из групп.

Некоторое замедление темпов демократического развития России по сравнению с другими посткоммунистическими государствами еще очевидно.

нее проявляется при углубленном изучении стран СНГ с православным наследием. Если в 1990-е годы Россия фактически делила первое место с другими членами этой группы из шести государств (см. диаграмму 3), то из диаграммы 5 следует, что по состоянию на это десятилетие Россия занимает среди них предпоследнее место. В частности, Молдавия и Украина опережают Россию почти на два балла, Грузия – на полтора балла, Армения – на один балл; в свою очередь Россия превосходит только Белоруссию. Таким образом, по версии *Freedom House*, Россия перестала принадлежать к странам-лидерам по развитию демократии, что говорит о влиянии некоего внутреннего фактора, в роли которого выступает президентская власть.

Диаграмма 5

Средние, минимальные и максимальные значения рейтингов *Freedom House* по странам СНГ с православным наследием (2000-2007 гг.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мнению многих членов научного сообщества, президенту-основателю постсоветской России следовало бы взять на себя ответственность за провал страны в деле строительства консолидированной демократии в 1990-е годы. Однако подобные заключения сомнительны, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, авторы этих работ практически всегда анализируют отдельно взятую Россию и игнорируют опыт прочих посткоммунистических стран и даже самой России в другие периоды. Во-вторых, сравнительное исследование, исправляющее этот методологический недостаток, приводит к прямо противоположным выводам относительно роли Ельцина. Так, наши межнациональный и кросстемпоральный анализы показывают, что в годы президентства Ельцина Россия была более демократичной страной, чем

Советский Союз в 1980-е годы, намного демократичнее большей части других членов СНГ, и даже немного демократичнее (если судить по средним показателям рейтингов) всех бывших коммунистических государств Восточной Европы и Евразии. Более того, Россия была значительно более демократичной, чем того можно было ожидать от государства-преемника советского строя с православным наследием. Иначе говоря, эти сравнения демонстрируют, что Ельцин сохранил и преумножил достижения политики либерализации М.Горбачева, и что он способствовал развитию демократии куда эффективнее, чем большая часть его коллег из СНГ. Фактически, ни один из лидеров двенадцати стран СНГ не заботился в 1990-е годы о демократических институтах более успешно, чем это делал Ельцин. Еще одно доказательство положительного влияния Ельцина на демократизацию России заключается в характере российского политического процесса после его ухода из Кремля. После вступления в должность президента Владимир Путин взял курс на централизацию власти, в результате которого, по мнению ряда аналитиков, показатели демократии в России оказались несколько ниже, чем у большинства посткоммунистических стран.

В итоге комплекс проведенных межнациональных и кросстемпоральных сравнений убедительно говорит о том, что в противоположность мнению большинства исследователей, без Ельцина развитие демократии в России было бы менее успешным. Полученные выводы также заставляют переосмыслить понимание процесса посткоммунистических трансформаций в целом. Так, сравнительно высокие темпы развития демократии в 1990-е годы и относительно низкие — в последнее десятилетие, а также специфика преобразований при Путине демонстрируют огромную роль российских лидеров в политическом процессе. Подобная ситуация могла сложиться в любой стране, где успех или провал перехода к демократии совсем не обеспечен консенсусом между элитами или слоями общества. Таким образом, теории посткоммунистического транзита пролили свет на значение многочисленных структурных и институциональных факторов, однако уделили недостаточно внимания роли лидерства. Как показала история России с 1985 г., ключевую роль в демократизации страны играет именно ее президент.

Перевод А.Л.Бардина

Aron L. 2000. *Yeltsin: A Revolutionary Life*. N.Y.: St. Martin's Press.

Åslund A. 1995. *How Russia Became a Market Economy*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Brown A. 2001. Transformational Leaders Compared: Mikhail Gorbachev and Boris Yeltsin. — Brown A., Shevtsova L. (eds.). *Gorbachev, Yeltsin, and Putin: Political Leadership in Russia's Transition*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.

Colton T. 2008. *Yeltsin: A Life*. N.Y.: Basic Books.

Ellison H. 2006. *Boris Yeltsin and Russian Democratic Transformation*. Seattle: University of Washington Press.

Freedom House. 2001. *Freedom in the World 2000-2001*. — <http://www.freedomhouse.org/research/freeworld/2001/countryratings/russia.htm> (date of access: 20.06.2005).

Freedom House. 2005. *Freedom in the World 2005*. — <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=22&year=2005&country=6818> (date of access: 25.01.2006).

Freeland C. 2000. *Sale of the Century: Russia's Wild Ride from Communism to Capitalism*. N.Y.: Crown Business.

-
- Freeland C. 2004. "Vote Yeltsin". — *Financial Times*, 03.03.
- Gill G., Markwick R. 2000. *Russia's Stillborn Democracy? From Gorbachev to Yeltsin*. Oxford: Oxford University Press.
- Huskey E. 1999. *Presidential Power in Russia*. London: M.E. Sharpe.
- Karatnycky A. et al. 1994. *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties 1993-1994*. N.Y.: Freedom House.
- Karatnycky A. et al. 1995. *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties 1994-1995*. N.Y.: Freedom House.
- Karatnycky A. et al. 1996. *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties 1995-1996*. N.Y.: Freedom House.
- Karatnycky A. et al. 1999. *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties 1998-1999*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- McColm R.B. et al. 1993. *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties 1992-1993*. N.Y.: Freedom House.
- Mendelson S. 2001. Democracy Assistance and Political Transition in Russia: Between Success and Failure. — *International Security*, vol. 25 (4).
- Mikheyev D. 1996. *Russia Transformed*. Indianapolis: Hudson Institute.
- Petrov N. 2008. Boris Yeltsin: Catalyst for the Cold War's End? — Skinner K. (ed.). *Turning Points in Ending The Cold War*. Stanford: Hoover Institution Press.
- Reddaway P., Glinski D. 2001. *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press.
- Rutland P. 1997. Yeltsin: The Problem, Not the Solution. — *The National Interest*, vol. 49.
- Shevtsova L. 2007. *Russia — Lost in Transition: The Yeltsin and Putin Legacies*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace.

